

Васька-пьяница и Кудреванко-царь (3)

А-й дак шли где туры подле синё морё,
А-й дак поплыли туры да за синё морё.
Выплывали туры да на Буян-остров
И да пошли по Буяну да славному острову.
А-й да настречу — турича им златорогая,
А златорогая турича да однорогая;
И дак та же турица — им родна матушка:
«Уж вы здрастуйте, туры да златорогия,
А златорогия туры да-й однорогия!
Уж вы где же были да цёго слышали?» —
«Уж ты здрастуй, маменька наша родимая!
А-й уж мы были во городи во Шахови,
А, восударына, мы были во Ляхови;
А-й дак ночью мы шли да чистым полём,
А уж мы днём же ведь шли подле синё морё.
И да случилось итти да мимо крашен Киев-град,
А-й мимо ту же нонь церковь Воскрисеньскую, —
А выходила тут девица да из Божьей церкви,
А-й выносила ле Книгу да на буйной главы,
Забродила в Неву-реку по поясу,
Она клала ле Книгу на сер-горюч камень,
А ёна клала, читала да слезно плакала,
Слезно плакала девица, да сама вон пошла!» —
«А-й уж вы глупыя туры мои, неразумныя!
А-й не девица выходила — как Богородица;
Она Книгу выносила да на буйной главы,
Она Книгу выносила — да всё Евангельё;
А забродила в Неву-реку по поясу,
«Она клала ле Книгу на сер-горюч камень»,
Она клала, читала да слезно плакала:
Она чуёт над Киевом незгодушку
А великую незгодушку, не малую!..
Поднимаицсэ на Киев да Кудреванко-царь
Да с любимым-то зятёлком со Артаком
И да с постыглым сыном да всё со Коньшиком.

Да у Артака силушки — сорок тысячей,
И да у Коньшичка силушки — сорок тысячей,
У самого Кудреванка — да числа-смету нет!»
Обошли-обостали да крашен Киев-град —
А уж как буди сузёмочек лесу тёмного.
И да покрыло луну да соньця красного
От того же-й от пару да лошадиного,
От того же-й от духу да от тотарского.
А да на утрянной было да ранной зорюшки,
И на восходи-то было да красного солнышка
А-й выходил Кудреванко да из бела шатра,
Да крычал Кудреванко да своим голосом:
«Уж вы ой еси, пановья мои, улановья,
Уж вы сильния-могучие боғатыри,
Уж вы все же поленицы да при(й)удалые!
Ишше хто же из вас ездит да в крашен Киев-град,
Отвезёт ёрлоки да скорописцаты
А-й ко тому же ко князю да ко Владимиру?»
А выходило Издолишшо проклятоё,
Уж как брало ёрлоки да во белы руки
Да уздало-седлало да коня доброго.
Только видели: Издолишшо в стремяна ступил,
А не видели: Издолишшо на коня скочил,
А не видели поездки да молодецкое.
Да поехало Издолишшо прямо в Киев-град.
А не путём оно ехало, не дорогою,
И не дорогою ехало, не воротами —
Да скакало через стены да городовья,
А через те же нонь башонки трехугольня.
А-й да приехало Издолишшо ко красну крыльцу,
Да соскакивал Издолишшо со добра коня —
А-й да оставило коня да не привя[за]на,
А-й не привязана коня да не приказана.
Да скорешенько Издолишшо на крыльцо бежит —
А-й да не спрашиват у ворот он приворотничков,
А-й да не спрашиват у дверей ён не придверничков:
А-й тут бежит тут Издолишшо прямо в грынюшку
А ко тому же ко князю да ко Владимиру
Да бросало ёрлоки да на дубовой стол.

Да бросал он ёрлоки — да сам ле вон пошел.
А дак брал ёрлоки да во белы руки,
Дак брал тут Владимёр да распечатывал,
А распечатывал ле — он да головой качал.
А собирал тут Владимёр ле да почесьён пир
А-й да про тех же кнезьей, многих богатырей,
А-й да про тех же полениць да при(й)удалые,
Да про тех же купцей многих торговые.
Дак все на пиру да напивалисе,
А-й дак все на чесном да наедалисе —
А-й дак все же сидят да пьяны-весёлы,
А-й дак все же сидят да ёни хвастают:
Уж как сильнёй-от хвастат да своей силою,
Да богатой-от хвастат да золотой казной,
Уж как умной-от хвастат да родной матерью,
А безумной-от хвастат да молодой жоной.
Дак стал князь по грынюшки похаживать
А-й дак стал из речей да выговарывать:
«Уж вы ой еси, пановья мои, улановья,
Уж вы сильния-могучие боґатыри,
Уж вы все же поленици да при(й)удалые,
Уж вы все же купцы многоторговые!
Ишше хто же из вас ездит да во чисто полё?
Поднимаицсэ на нас да Кудреванко-царь,
Да с любимым-то зятёлком со Артаком
И да с постыглым сыном да всё со Коньшиком.
Да у Артака силушки — сорок тысячей,
Да у Коньшичка силушки — сорок тысецэй,
У самого Кудреванка — да числа-смету нет!
Обошли-обостали да крашен Киев-град.
Да не можот ле хто съездить да во чисто полё
А пересметить-де силушку неверную,
А привезти пересмету да в крашен Киев-град?»
Уж меньшей хороницьсе за средьнёго,
Уж как средьней хороницьсе за меньшого,
А от меньшого до большого — ответу нет!
Дак спрашивал Владимир да во второй након.
Дак спрашивал Владимир да во третей након.
Из-за тех же из столов да белодубовых.

Из-за тех же из-за скатертей берьчатые,
Из-за тех же из-за есв да и сахарные
Выставал тут удалой да на резвы ноги,
Уж как на имя Добрынюшка Никитич млад.
Говорил тут Добрыня да таково слово:
«Уж ты ой еси, Владимёр да красно солнышко!
Ты позволь-ко, князь Владимёр, да мне слово сказать,
А не дозвольть-ко, князь Владимёр, да скоро сказнить.
Да сказнить-то меня, да бити-вешати!»
А-й говорил тут Владимёр да таково слово:
«А-й говори-тко-се, Добрынюшка, що надобно!»
Говорыл тут Добрыня да таковы реци:
«Уж ты ой еси, Владимёр да стольне-киевской!
Уж ес<ть> ли... ле у нас да Васька-пьяница —
А-й да не можот ле он съездить да на чисто полё
А пересметить-де силушку неверную,
А привезти пересмету да в крашен Киев-град?»
А скорэшенько Владимир да тут срэжаиццэ,
А скоре того Владимир да одеваиццэ,
Уж взял он Добрынюшку Никитица —
Да пошли-де с Добрынюшкой вдоль по городу
Да к тому же к чумаку да ко кабачкику.
Да приходят они да на царев кабак,
Да заходят они да на царев кабак;
А говорыл тут Владимир да таково слово:
«Уж ты ой еси, чумак да ты сидельшичок!
Уж нет ле у тя Васьки, да горькой пьяничи?» —
«А да лёжит на печки Васька на муравленой!»
А подходил он ко печки да ко муравленой,
А-й говорыл тут Владимир да таково слово:
«Уж ты стань-востань, Василей, да горька пьяница!»
Говорил тут Васильюшко таково слово:
«Не могу где стать да головы поднять:
Да болит-то у мя да буйна голова,
Да шипит-то у меня да ретиво серцо —
И дак нецим Василью мне оправицэ,
Дак нечим Василью мне опохмелицэ!..»
А приказал тут налить да чару зелена вина,
А не велику, не малу — да полтара ведра,

А подавал он на печку на муравлену.
А принимал тут Василей да единой рукой,
А выпивал тут Василей да к едину духу
Да повалилсэ на печку да на муравлену:
«А-й не могу где я стать да головы поднять,
Да не несут-то меня да ножки резвыя!»
Наливал тут Владимёр да во второй након,
Подавал он на печку да на муравлену.
Принимал тут Василей да единой рукой,
Выпивал тут Василей да к едину духу.
А-й наливал тут Владимёр да во третей након.
Выпивал тут Василей да к едину духу,
А соскакивал со печки да со муравленой:
«Уж я был же старик да девеноста лет —
Я тепере молодеч да дваццати годов!»
Говорыл тут Владимир да таково слово:
«Уж ты ой еси, Василей, да горька пьяница!
Ты не можошь ле съездить да во чисто полё?
Поднимаицсэ на нас да Кудреванко-царь
Да с любимые зятёлком со Артаком,
Да с постыглые сыном да всё со Коньшиком.
И да у Артака силушки — сорок тысичей,
И да у Коньшичка силушки — сорок тысичей,
У самого Кудреванка — да числа-смету нет!
Да не можошь ле ты съездить да во чисто полё
А-й пересметить-де силушку неверную,
А-й привезти пересмету да в крашен Киев-град?»
А-й говорыл тут Василей да таково слово:
«Уж нечим ле ехать да во чисто полё:
Уж вся же у мя сбруюшка-та пропита,
Уж как все же доспехи да призаложоны
Дак с тем же удалым да добрым конечком
Да не в многи, не в мали — да в сорок тысецах!»
А приказал ле отдать да всё безденёжно
Да тому же чумаку, да всё седельшичку.
Да пошли-то с Васильём да вдоль по горуду,
А заходили с Васильём да на высок балхон —
Да смотрели с Васильём да во чисто полё
Да на ту же на силушку неверную:

Обошли-обостали да крашен Киев-град,
Да роздёрнуты шатры да черна бархата.
А да замечали шатёр да Кудреванков ле —
Уж брал ле Василей да всё ле тугой лук
Да натегивал тетивоцьку шолковую,
Уж клал он стрелочку калёную,
Уж клал ле он стрелочку, приговарывал:
«Ты пади-тко-се, стрелочка, не на воду,
Да не на воду, стрелочка, не на землю —
Да лети-тко ты, стрелочка, по поднебесью,
Да пади-тко ты, стрелочка, во белы груди
Да к тому же царю да Кудреванку ле!»
Полетела тут стрелочка по поднебесью —
Дак пала ле стрелочка во белы груди
Ко тому же царю да Кудреванку ле,
А да застрелила царя да Кудреванка ле.
Дак вся же тут силушка присмешаласе:
Да не стало ле у их да управителя.
Дак брал он Добрынюшку Никитица,
Дак брал он в помошнички Поповича —
Да поехали удалы да по честу полю
Да во ту же нонь силушку прямо неверную.
И да заехали во силушку неверную.
Дак вперед они едут — дак валят улицэй;
Уж как они повернут — валят переулками:
Да прибили-притоптали да всю ведь силушку!
А дак тут вся же силушка размешаласе,
По чисту ле нонь полю да розбежаласе.
Да на конях богатыри да прирозъехались,
Да поехали удалы да в обратной путь,
Повезли пересмету да в крашен Киев-град
А-й ко тому же ко князю да ко Владимиру.
Говорил тут Владимир да таково слово:
«Уж ты ой еси, Василей, да горька пьянича!
Да теперице, Василей, да горька пьяница,
Да не запёрта тебе да золота казна:
Да бери-тко, тебе да што ле надобно!»
Говорил тут Василей да таково слово:
«Уж ты ой еси, Владимёр да красно солнышко!

Да не надо ле мне да золота казна,
А лучше дай же мне пить вина безденёжно!»
Говорил тут Владимир да таково слово:
«Уж пей-ко, Василей, да сколько надобно, —
Да не запёрт ле тебе будёт царев кабак!»

(Зап. А. Д. Григорьевым 20 июля 1901 г.: д. Дорогая Гора Дорогорской вол. — от Тяросова Ильи Андреевича, 37 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым
в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.